

Лена Коваленко

*На страже
Империи.*

ОТЛИЧНИК

18+

Лена Коваленко

На страже Империи. Отличник

«Автор»

2026

Коваленко Л.

На страже Империи. Отличник / Л. Коваленко — «Автор», 2026

В Светломорске конца XIX века красота природы обманчива: за идиллией курортного рая скрываются мрачные тайны. Две иностранки — Клара Паулюс и Роза Ланге — приезжают в город ради Женских магических курсов, но бесследно исчезают. Международный скандал вынуждает назначить на место провалившегося полицмейстера опального ссыльного — Григория Алексеевича Воронова. Воронов — отличник, лучший выпускник Военно-магической академии, волею судьбы потерявший карьеру. Новое назначение — это шанс вернуться к светской жизни и реабилитировать себя. Теперь Воронову предстоит не только распутать дело, но и найти общий язык с неожиданными союзниками: циничным местным сыскарем — Савелием Мамонтовым и бывшей однокурсницей — Тайным советником Елизаветой Осиповой, женщиной с крутым нравом и репутацией скандалистки. Динамичный магический детектив с элементами исторического фэнтези и мистики для любителей сложных сюжетов и проработанной вселенной!

© Коваленко Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

История первая: «Пропавшие». Пролог	5
Глава 1. Воронов	9

Лена Коваленко

На страже Империи. Отличник

История первая: «Пропавшие». Пролог

29 июня 1884

Светломорск, Российская империя

Иван Крылатый, или чаще Ванька-гид, зевая, преодолевал очередную горку. Небо уже успело окраситься рассветными красками, но до комнат юных барышень ещё топтать и топтать. Когда давеча они договаривались о пешей прогулке, он не думал, что забирать их придётся аж с Озёрной. Впрочем, это всё же лучше, чем остановиться они на Светлой или в санатории на Николаевой дороге.

Сам Крылатый снимал угол у вдовы на Горной: домишко был старенький и небольшой, зато цена крайне благоприятная. А всё потому, что прямо-таки под окнами того домишка шла железная дорога. Уж чем думали, когда строили пути через весь город — никто не знает, но теперича всё есть как есть. Ванька только радовался такому соседству: утренний поезд с Петербурга приходил как раз к утренней пробудке, а ночной — раньше, чем он домой возвращался.

Работа у Крылатого была прибыльная: в сезон на пеших прогулках по горам можно было сколотить состояние да и прикупить собственный домик у моря. Пущай не совсем у моря, а где-нибудь у той самой железной дороги — но всё же лучше съёмного угла.

Вот только был за Иваном грешок: страсть как любил он играть. Штосс захватывал его, будто силки — неосторожного зайца в лесу. Будь он банкомётом¹ или понтером — всегда играл до последнего. Как садился за стол, будто пелена перед глазами, и только оставшись с пустыми карманами, приходил в себя.

Вестимо, никто его за стол в центральное казино не пускал. Играл Ванька по квартирам офицеров да таких же, как он, гидов. В долги влезал регулярно, но и работу свою ценил, и умел. Слыл человеком честным: с долгами всегда расквитывался исправно.

Вот и вчера, получив у иноземных барынь задаток за прогулку, направился Крылатый долги раздавать — да где тут раздавать: наиграл новых.

Любили дамы, отдыхать приехавши, взять Ивана себе в гиды. Особенно чужестранки. Уж больно им нравилось, что, в отличие от других мужиков, кои в горы сопровождают, у него бороды не было. Иван моднился и брил бороду, оставляя только роскошные бакенбарды, искренне жалея, что шевелюра его не кудрявится. Впрочем, и не лысеет — и то хлеб. Так вот это нравилось барышням весьма. А он, в свою очередь, не любил дразнить удачу, потому неизменно раз за вечер загадывал себе даму червей — в честь дам, так сказать.

А второго дня: как сел он за стол, как загадал даму — и как попёрло ему! Раз положил банкомёт карту — а там король бубен налево пошёл. Второй раз тянет — а там валет треф, направо ему дорога. Третий раз как вытянет — а там дама червей!

Подфартило же! Первый розыгрыш — и сразу десять рублей его! Ещё бы один ход — и не было б ничего. А так — раз, и дама!

Ясное дело, что после такого фарта из-за стола вставать нельзя было. Играл Ванька до последнего, домой явился вчера после полуночи, потому сейчас, зевая, топал по улицам пешком. На извозчика у него ещё водилось, да долги ещё не все розданы — надо бы попридержаться.

---

¹ Штосс — азартная игра, популярная в XIX веке, особенно в светских кругах. В ней участвуют два игрока: банкомёт (тот, кто «метает» карты) и понтер (делающий ставки).

Упрямо топя по улицам просыпающегося города, Иван потирал выбритый подбородок, а потом поправил на поясе тускло светящийся зелёным амулет — знак принадлежности Ивана к магам земной стихии. Он был полон надежд. Барышни были щедрые, смекалистые да рискованные. Такие, поди, заходят и по усложнённому маршруту пройти — а это уже совсем другой вопрос. Там и магией поддержать придётся, где подстраховать. Тут и оплата-с другая будет.

За думами печальными и не очень не заметил Ванька, как прошёл Горную, свернул в переулки, и между домами уже виднелся пансионат купчихи Андреевой.

Пансионатом, впрочем, назвать это было сложно: так — пара домов, выкупленных ушлой купчихой, да оборудованных под летнюю аренду. Впрочем, напраслину на Агриппину Фёдоровну возводить не стоит: никто не знал, чем занимался её муженёк, но сама купчиха порядок блюла строго. Дома были вычищены, постояльцы учтены, а деньги пущены в дело.

Вспоминая сочный стан да крутой нрав купчихи, Ванька дошёл-таки до нужного дома. Ловко отворил калитку, закрывавшуюся тут скорее порядку ради (никто в здравом уме не полезет в дома Агриппины Фёдоровны — уж проще сразу городскому² с повинной сдаться!) Начищенные сапоги Ивана звонко простучали по камням дорожки, ведущей к дому, а вслед за шагами немалый кулак Ивана опустился на деревянную дверь.

— Барышни! Есть кто дома? Иван-гид пришёл! Мы сговаривались с вами другого дня! — прокричал он громко, когда на стук никто не отворил. Пропустить стук Ивана было сложно: дверь дрожала, стёкла в верандных окнах дребезжали от его молодецкой удали.

Однако и на молодецкий бас никто не откликнулся.

— Барышни! Отворяйте! Сговорено-с! — повторил ещё раз окрик гид. В душе его уже поселилось злое сомнение: никто на прогулку с ним сегодня не пойдёт. Передумали барыни, аль загуляли — то Ивану неизвестно, но терять крупный куш жалко.

«Хорошо хоть, задаток взять не забыл», — подумал Иван и пошёл стучаться к Агриппине Фёдоровне. С присущим ей женским любопытством купчиха Андреева всегда умудрялась всё знать о своих постояльцах: кто где бывает, кто роман закрутил, кто запил, а кто проигрался. Была надежда у Ивана, что девицы молодые загуляли да запомнили о договорённости. Тогда есть шанс — своё ещё получить, просто выйдут попозже или вовсе в другой день.

Впрочем, Агриппина Фёдоровна и сама, растревоженная непривычным шумом, уже выглянула на улицу. Несмотря на ранний час, щёки её уже были румяны, а платье надето парадное — в модных нынче пастельных тонах. Ни мощный стан, ни плебейский рыжий цвет волос не мешали Агриппине Фёдоровне тщательно следить за модой и умудряться подбирать себе столичные наряды, так что они её дивно красили. Ярким пятном в нежном образе купчихи выделялся лишь браслет с крупным красным камнем — символ принадлежности к огненной стихии.

Потому, расточая утренние комплименты, Иван ни на минуту не кривил душой.

— Добрейшего утречка, Ваше степенство, Агриппина Фёдоровна, — расплылся в широкой улыбке гид, — как дивно-с вы сегодня выглядите! Ваша красота подобна утренней заре — свежа и чиста-с.

Иван не считал зазорным проявить излишнее уважение или отвесить один-другой комплимент дородной купчихе. Хорошие отношения помогали и заказ отхватить вперёд других, и рекомендации получить, и на чай урвать.

— Да где уж добрейшее утро, коли ты с утра тут шумишь, — в привычной недовольной манере возмущается Агриппина Фёдоровна, что не помешало ей спрятать в глазах довольную улыбку. Комплименты шельмеца Ваньки льстили ей. Знала, что лукавит стервец, но так ловко у него выходило.

---

² Городовой — это низший чин городской полиции в Российской империи. Он отвечает за поддержание порядка на улицах: следит за соблюдением правил, пресекает правонарушения, помогает горожанам и выполняет поручения начальства.

— А как не шуметь-с, хозяйюшка? — тут же оправдывается Иван. — Сговорился я с постоялицами вашими, прихожу, а их нет. Не видали с утра барышень-то?

— Немок что ли ищешь? — проницательно прищуривается Андреева. Дома у неё все были нынче заняты, но в основном — люди приличные, семейные: пара офицеров была, да вот — барышни эти. Иноземки бесстыдные, вдвоём без сопровождения из самой Европы прика-тили. Видано ли!

— Их родимых, — радостно кивает Иван, в надежде, что купчиха выдаст ему сейчас всю подноготную.

— Так они, как ушли вчера, так и не появлялись дома, — с удивлением осознаёт Агриппина Фёдоровна, а дальше будто сама с собой рассуждает. — Да-да, не было их вечером. Капитан столичный заходил — почтение выразить, товарищи его уже третий день как в загуле, семья с Урала на ужине у нас была, москвичи на пляж ходили, а немок не видала. Утром, помнится, мы чай накрывали — они прошли в сторону Лестницы-то, а обратно не воротились. Никак нет. Васятка, дворовый наш, ещё вечером заметил, что свет-то у них не горел.

— Загуляли-с? — расстроено уточнил Ванька, окончательно понимая, что плакали его денежки.

— Да не похожи они на гулящих, — скрипя сердцем, признала Агриппина Фёдоровна. — Путешествуют вдвоём — срамота какая, но по поведению, общению, манерам — не марки-тантки³ какие, не кур-ти-занки,⁴ тьфу... приличные барышни. Пойдём-ка мы, Ванька, гля-нем, что у них там в доме.

Барышни эти от уборки хозяйской отказались, но у Агриппины Фёдоровны всенепре-менно второй ключик оставался. Мало ли что? Постояльцы разные бывают. Вон в прошлый сезон с городовым в дом заходить пришлось: офицеры столичные устроили дебош — навезли девок дешёвых, вина, карты, к её работникам приставать начали. Потом сидели, остывали в арестантской⁵ — под замком.

Иван и Агриппина Фёдоровна стремительно направились к половине домика, что сняли две приезжие немки. Не обращали они внимания ни на цветущие магнолии, что уже окуты-вали мир вокруг своим дурманящим сладким ароматом, ни на розовые кусты олеандра, ни на белые гортензии. Спеша, они отмахивались от прекрасных листьев катальпы, что в этом году неожиданно разрослась во владениях купчихи Андреевой и уже мешала пройти между домами. Впрочем, тропинкой этой пользовалась только хозяйка да её челядь. Встревоженные пропажей девушек, гид и купчиха не замечали всей красоты ухоженного уголка курортного городка. Они спешили утолить своё любопытство, а Иван — ещё и свою природную жадность.

Однако в домике их ждало полное разочарование. В комнатах царил порядок, все вещи лежали на своих местах: платья аккуратно развешены в шкафу, на прикроватных тумбах остав-лены книги — *«Переселение магических существ: правда или миф?»*, *«Величайшие маги мира»*. Видать, барышни были учёные, не зря же приехали на местные курсы. Весь Светло-морск гордился новыми курсами магическими для женщин. Вслух осуждали неизбежно, но втайне гордились. Со всей страны к ним теперь ехали не только полечить здоровье, да красо-тами полюбоваться, но ещё и поучиться.

---

³ Маркитантка — это женщина, которая в XVIII–XIX веках сопровождала армию в походах и занималась торговлей: продавала солдатам съестные припасы, напитки и предметы солдатского обихода, чаще всего оказывала услуги интимного характера.

⁴ Куртизанка — это женщина, вращающаяся в высшем свете и находящаяся на содержании у богатых и влиятельных покровителей. В историческом контексте (особенно в Европе XV–XIX веков) куртизанки часто отличались образованностью, умением вести светскую беседу, иногда обладали талантами в искусстве (пели, танцевали, писали стихи). Агриппина Фёдо-ровна никогда не встречала настоящих куртизанок и путала их с обычными работницами борделей.

⁵ Арестантская — просторечное название арестной камеры для задержанных в полицейском участке.

Похоже, что и эти барышни из учёных были. Ванька, напрягая память, пытался вспомнить — говорили ли они что про это? Может, там их поискать? Хотя вряд ли они ночевать в женском клубе остались. Кто б им позволил-то?

Обойдя все комнаты и осмотрев всё хозяйским взглядом, Агриппина Фёдоровна тяжело вздохнула:

— Ничего не понимаю. Вещи на месте, а барышень-то и след простыл!

Ванька только сокрушённо покачал головой.

— Пойду я тогда, Ваше степенство, нечего мне тут рыскать. — Сдержат горечь у гида не получилось. Впрочем, не в характере Ивана Крылатого было отчаиваться. Время ещё не позднее: сейчас раскошелиться на извозчика, доедет до подножья Соколаб⁶ — и попытает удачу. Сезон в разгаре, город кишит отдыхающими. Не клином же свет сошёл на необязательных барынях.

— Вы, дражайшая Агриппина Фёдоровна, коли явятся барышни, не сочтите за труд — напомните обо мне. — Впрочем, отказываться от возможности заработка Иван не собирался. — Вдруг загулялись всё ж где?

— Всенепременно, Иван, всенепременно, — Агриппина Фёдоровна кокетливо заулыбалась, протягивая ручку в нежных перчатках для поцелуя. Тот, в свою очередь, не побоялся поклониться и облобызать протянутую руку. Репутация-с важнее всего.

— Коль к вечеру не явятся — буду звать городского, — сказала напоследок уже торопящемуся gidу купчиха. — Не дело это — барышням без сопровождающего ездить. Потом не найти. Теперь у бедной хозяйки сердце болит за них. А я уже стара для таких переживаний.

Иван лишь покивал и поспешил сбежать. Страдать о своей нелегкой доле эта женщина могла часами, а такой роскоши у него уже не было.

---

⁶ Гора на юго-западе от Светломорска.

Глава 1. Воронов

7 июля 1884 года.

Поезд Москва — Светломорск.

Григорий Алексеевич Воронов

Поезд, неспешно стуча колёсами, несёт меня всё ближе к новой жизни. За окном мелькают непривычные мне пейзажи юга Российской империи. Вроде бы та же зелень и синева, но совершенно другая. Синь — это не бескрайние берега Енисея, а беспокойные воды Чёрного моря. Вместо зелёного океана тайги — экзотические лианы и буки, мелькающие вдалеке горы. Всё похожее и в то же время совершенно иное.

Даже нужды у пассажиров совершенно другие. Вместо труб отопления, без которых не ходит ни один поезд в Красноярск, в этом есть специальные отверстия для свежего воздуха. На станциях магические артефакты заряжают не горячие огненные маги, а нежные воздушники.

За пять лет, проведённых среди ссыльных, старателей и простых суровых мужиков, я будто сам одичал. Стал более приземлённым, перестал ценить прекрасное и видеть особенное в обыденном. Вот и сейчас мои думы от любования пейзажем незаметно скатились к особенностям обслуживания поездов! Виданое ли дело?

Дорога к новому месту службы заставляет меня задумываться о многом. Конечно, должность полицмейстера в Светломорске — это не предел мечтаний лучшего выпускника Военно-магической академии, однако после четырёхлетней опалы в богом забытом Туруханске и ещё года в Красноярске — кажется возвращением к свету. Негласная ссылка, случившаяся в моей жизни, ещё не отменена, но уже значительно смягчена.

Жалею ли я, что волею судьбы моя перспективная карьера была зарублена на корню? Что сейчас мотаюсь по замшелым городкам, а не восседаю в министерстве?

Нет.

Ведь перст судьбы подарил мне чувство, которое бывает в жизни далеко не всякого мужчины. А за это чувство можно и голову сложить, не то что карьеру. Я смирился и даже нашёл свои прелести в Енисейской губернии, к тому же воли там было куда больше, чем в столице, где каждый чих юного офицера мгновенно докладывался министру.

Налетевшие мимолётным ветерком воспоминания заставили руку саму тянуться к часам. Подаренный ещё отцом брегет¹⁷ прошёл со мной все невзгоды и хранит самые тёмные тайны. Служит безмолвным напоминанием моих решений и ошибок. Сожаления, впрочем, как и всегда, не успели надолго задержаться в моей голове. Слишком многое происходит вокруг прямо сейчас, чтобы тратить время на бессмысленные страдания по прожитому.

Вызов в Москву, пришедший неделю назад, стал совершенной неожиданностью. Это могло означать всё, что угодно: как помилование, так и перевод на какую-нибудь окраину. Кому-то надо осваивать Туркменистан, Камчатку, на Кавказе опять какие-то волнения, да и медвежьих углов хватает. Министерские чиновники могли и просто вызвать на поклон. Проверить, так сказать, наличие подотчётной единицы.

На счастье, это всё же перевод. Особо радоваться мне пока не приходится. В милом курортном городке пропали две весьма известные немки: Клара Паулюс и Роза Ланге. Французские и немецкие послы уже осаждают приёмную Его Императорского Величества, ведь барышни оказались известными. Громко и не без результата боролись за права женщин-магов,

---

¹⁷ «Брегет» — это название марки карманных часов, по фамилии французского мастера Абрахама-Луи Бреге. Его мастерская в Париже выпускала элитные часы, которые стали символом статуса и точности. Вскоре «брегет» стало нарицательным обозначением дорогих карманных часов с боем в русской культуре XIX века. Из-за огромной популярности изделий Бреге слово «брегет» в быту стали применять к любым престижным карманным часам, даже если они были сделаны не в его мастерской.

организовали женский факультет в Сорбонне, писали научные труды — стали личностями известными и популярными в определённых кругах. В Россию они приехали познакомиться с нашумевшими Женскими магическими курсами в Светломорске и бесследно исчезли. Для магов их уровня — это нонсенс.

Их коллеги бушуют, готовятся снаряжать поисковые экспедиции. Верные сторонницы пишут в газетах, строят теории заговоров, требуют реакции от наших властей, а полицейское управление Светломорска — бездарно провалилось.

Те материалы дела, с которыми мне удалось ознакомиться перед отправкой из Москвы, выглядят так, будто их заполняли студенты на практике: показания взяты не полностью, в деле зияют огромные дыры. Складывается ощущение, что по городу гуляла ещё парочка запасных Роз и Клар, потому что, исходя из показаний, они одновременно были в разных местах.

Прошло семь дней с их пропажи, а понимания, где могут быть барышни, так и нет. Шанс найти их живыми — всё меньше с каждым днём. По счастью, товарищ министра это тоже понимает, и передо мной поставлена задача — найти тела и наказать виновных, а не спасать невинных дев в беде. В глазах наших магов эти барышни сами по себе особой ценности не представляют.

Тем не менее никто мне поблажек делать не будет. Предыдущий полицмейстер вместе с главой магического сыска уже отправились в соседний регион налаживать отношения враждующих национальных движений на бессрочной основе. Передавать дела мне никто не будет, потому придётся осваиваться самому.

Во мне тлеет робкая надежда на нового главу магического сыска, назначенного из местных сыскарей, но здравый смысл успешно побеждает её. Хороший сыскарь не будет сидеть в городке, где самое громкое магическое преступление последних лет — это запуск несанкционированных иллюзий по пьяне. Его назначение, впрочем, как и моё, больше похоже на случайность, чем на результат успешной службы.

Предчувствие попросту вопило, что это дело станет испытанием моих сил, и подвохов тут ещё наберётся на мужицкую шапку. Одно то, что вызвали меня фактически в день пропажи, когда местные сыскари ещё не успели опозориться, говорит о многом.

Надежд на это дело никто не питал: в Петербурге прекрасно понимали всю безнадёжность работы местных. Вероятнее всего, и выбор пал на меня — по той же причине. Всё же я проявил себя с лучшей стороны, вылавливая беглых каторжников в последние годы. Поэтому и назначили меня? Опыт масштабных поисков у меня богат. Впрочем, гадать бессмысленно. Мотивы министерских мне не ведомы.

Я так ушёл в свои мысли, что не заметил, как поезд прибыл на станцию. Подхватив свой саквояж, твёрдым шагом я направился на выход. С каждым шагом где-то внутри зрело чувство начала новой, непростой страницы в моей жизни. И, признаться честно, я рад этим переменам.

Пока я выбирался из синего вагона, перрон уже заполнился галдящей толпой: из зелёных вагонов уже вышел простой люд, а жёлтые степенно покидали аристократы победнее да купцы посостоятельнее.

Моих соседей по вагону было немного. Как обычно, вагоны первого класса — даже на воды — шли полупустыми, несмотря на разгар сезона.

Уж больно дороги билеты! К счастью, моё семейное состояние успешно преумножалось старшим и младшим братьями, которые милостиво взяли в управление мою долю, пока я служу на страже Империи.

Ожидая слугу с моими вещами, я неспешным шагом иду к зданию станции: народ спешит, и мне совершенно не хочется попасться под горячую руку какой-нибудь скандальной купчихи.

— Григорий Алексеевич? — неожиданно рядом со мной раздаётся хриплый, надтреснутый голос.

Обернувшись, я вижу мужчину моих лет: аристократические черты лица, гордый профиль — будто потёртый, на всём внешнем виде заметны следы сильной усталости, измождённости. Губы бледны, под глазами — синяки, а в самих глазах видны красные точки. Волосы, мелькнувшие под цилиндром, когда мужчина приветствовал меня, совершенно непотребно взъерошены.

Я лишь коротко наклоняю голову, не спеша представляться каждому встречному подозрительной наружности.

— Разрешите представиться-с, Мамонтов, — хрипит мой неожиданный собеседник, будто этого достаточно, чтобы мне стало всё о нём понятно. Увидев замешательство на моём лице, мужчина уточняет: — Мамонтов Савелий Иванович, начальник магического сыска-с.

Второй раз окидываю мужчину куда более пристальным взглядом. Похоже, даже слабые лучики надежды сейчас умирают в моей душе. Глава магического сыска Светломорска выглядит последним забулдыгой. Едва уловимый шлейф алкогольного запаха, что исходит от него, только усиливает это ощущение. Ещё раз кивнув, я представляюсь в ответ:

— Моё почтение, Григорий Алексеевич Воронов, ваш новый начальник.

— Искренне рад вас видеть, — улыбается Мамонтов. — Нам, знаете ли, рук рабочих крайне не хватает, даже начальствующих.

Удивлённо вздёргиваю бровь. Мне не послышалось? Мамонтов мне... хамит?

— Извольте уточнить? — голос мой пропитан всеми морозами Енисейской губернии.

— Изволю, что ж не изволить-с, — по-простому цыкнув, Мамонтов разговорился, и хрипотца в его голосе стала чуть меньше. — Наш предыдущий полицмейстер считал сыск делом абсолютно не благородным и недостойным его дворянской фамилии. Кабинет свой не покидал и занят был в основном подхалимством и составлением совершенно бездарных отчётов для Петербурга, в которых игнорировал половину сведений от сыскарей. Так вот, ситуация такова, что если вы тоже считаете сыск делом грязным, но хотя бы отчёты в состоянии написать без ошибок, для Светломорска — это уже большое везение.

На короткий миг я опешил. Всё, что говорил и как говорил Мамонтов, казалось мне совершенной бескультурщиной. Я мог ожидать такого от сыскарей в Туруханске — ведь большая часть из них — сами помилованные каторжники, не выдавшие уже десятилетиями ничего, кроме бескрайних просторов тайги.

Светломорск в последние годы стал одним из самых популярных мест для отдыха знати. Все именитые дворяне приезжают сюда — кто на лечение, кто на отдых, кто — вот на курсы разные. Полиция здесь вполне могла чураться сыска и задирать носы по примеру моего предшественника.

Впрочем, всё к лучшему. Работать с простыми кадрами — куда как проще. Мысленно улыбнувшись, отвечаю на полном серьёзе:

— Спешу вас разочаровать, милейший, я не только умею отчёты писать, на кои не жалуются в министерстве, но и не чужаюсь лично побегать по лесам в поисках пропавших. Так что свесить на меня всю бумажную работу у вас не получится, — с удовольствием отмечаю, что на лице Мамонтова нет и тени разочарования.

— Дай Бог, чтобы так! — не спешит он бурно радоваться, но похоже, первую проверку я прошёл. Что ж... Никто не говорил, что налаживать рабочие связи на новом месте будет легко.

Замечаю за спиной сыскаря своего слугу с вещами. Больше на вокзале меня ничто не задерживает, можно и приступить к службе. О чём и сообщаю Мамонтову:

— Мы можем выдвигаться в Полицейское управление.

— Не вижу смысла, — в очередной раз за последние несколько минут огорчивает меня он, но всё же поясняет. — Через полчаса прибывает поезд из Петербурга. Заберём Тайного советника — и все вместе сразу отправимся.

— Тайного советника? — переспрашиваю я, потому что ни о каких надсмотрщиках из Петербурга меня не предупреждали.

— Да, сегодня ночью пришла срочная телеграмма. — Мамонтов морщится, будто угодил в навозную кучу. — В связи с массовыми женскими выступлениями в Европе и в столице дело берётся под личный контроль Его Императорского Величества, и к нам едет личный посланник министра.

Хм, не сказать, что эта новость стала на самом деле неожиданностью для меня. За время дороги из Москвы такой вариант я тоже предполагал. Громкое дело, а противостояние министра и товарища министра уже давно ни для кого не секрет. Они борются за влияние на Императора, а в делах часто мелькают вот такие истории, когда есть ставленник от каждого.

Не очень хочется тратить время на перетягивание одеяла, потому что мысленно вспоминаю, кто же у нас ходит в чине Тайного советника. Последние пять лет я хоть и не бывал в столице, но старые товарищи держали в курсе, потому что возможных кандидатов представлял неплохо. Большинство из них, вправду, были отличными служаками, радеющими за дело. Договориться с ними представлялось вполне возможным. Впрочем, были и редкие подлецы, для которых важен был лишь собственный гешефт⁸.

— Пойдёмте, Григорий Алексеевич, обождём в трактире, пока она прибудет! — Мамонтов как-то быстро сменил своё недовольство на радушие, но меня зацепило совсем другое.

— Она? — уточняю просевшим голосом, пока мы неспешно двигаемся к зданию привокзального трактира.

— Да-да, она. — Подозрительно радостно кивает Мамонтов. — Имя-с я запомнил, но Тайный советник точно барышня-с. Дело, видите ли, громкое — о правах этих... фе-ми-нис-ток-с. В верхах решили, что будет лучше, коли в разбирательстве будет участвовать женщина.

Настроение моё — до этого воодушевлённое и приподнятое — мгновенно падает под ноги проезжающим мимо экипажам. Вариантов тут не осталось. Единственным Тайным советником-женщиной является...

— Елизавета Николаевна Осипова почтит нас с вами своим присутствием, — обречённо выдыхаю я.

Мы как раз заходим в трактир, и ответа Мамонтова я не слышу — или он вовсе предпочитает отмолчаться. Я же с любопытством осматриваюсь.

Трактир оказался весьма приличным на вид: сводчатые потолки были высокими и не нависали над головами посетителей, столы застелены чистыми скатертями, без следов дыр, мебель — крепкая, одинаковая, а половые⁹ одеты в чистые, форменные рубахи. Буфет — небольшой, но тоже чистый, без грязи и пыли. Пожалуй, я даже рискну тут позавтракать.

Пока я осматривался, Мамонтов уже занял стол у окна и позвал пологого:

— Голубчик, нам пирогов посвежее, чая вашего местного на двоих и штоф¹⁰. Да побыстрее!

Стоило Мамонтову закончить говорить, как молодого парнишку будто ветром сдуло — так быстро он помчался выполнять заказ.

— Штоф? В восьмом часу утра? Не рановато ли? — с усмешкой спрашиваю я, усаживаясь за стол.

— А я, Григорий Алексеевич, без него мало работоспособен, — с грустной усмешкой отвечает мой новый сотрудник. — Вы ведь дело моё не видели-с? Да?

---

⁸ «Гешефт» (от нем. Geschäft — «дело», «сделка») — это спекулятивная, выгодная сделка, часто с оттенком негативной оценки (недобросовестная или мелочная коммерческая операция).

⁹ Половой — трактирный слуга, выполнявший функции официанта.

¹⁰ Штоф — старинная мера объёма жидкости, преимущественно для вина или водки. Равен 1/10 ведра (1,23 литра). Иногда используется осьмировский штоф — 1/8 ведра, около 1,54 литра. Также штофом называли и четырёхгранный сосуд с коротким горлышком, рассчитанный на объём в один штоф. Чаще всего использовался в питейных заведениях.

— Откуда ж мне? Я и не знал, когда выезжал, кого назначили, — отвечаю совершенно честно, не видя смысла играть в какие-то странные игры. Не время сейчас играть с сыскарём, нам ещё с Елизаветой Николаевной надо будет налаживать отношения. А я боюсь, что делом это будет не простым.

— Специфика персонального дара, — впервые с момента знакомства Мамонтов говорит со мной без тонкой, едва уловимой издёвки. Прямо и честно — как и я до того. — Вы не переживайте, на моей работоспособности это не сказывается, меру я знаю, а вот без него малопригоден для сыску.

— Дай Бог, чтобы так! — возвращаю я Мамонтову его же фразу, а он лишь улыбается, потому как перед нами, как чёрт из табакерки, возникает нагруженный половой. Стол заполняют горячие пироги.

— С мясом, с картошкой, с ягодой, — поясняет мальчонка, тыкая пальцем, водружает штоф, чайник, стаканы и тут же исчезает, будто корова языком слизала.

Мы принимаемся за еду. Последний раз нормально ел я ещё в Красноярске: в дороге да в Москве было не до того. Да и, коли не лукавить, кусок в горло особо не лез от этой неопределённости. Потому сейчас я с жадностью отведаль всех пирогов, с удовольствием запивая чаем, явно настоящим на липовом цвете.

Насытившись, отмечаю, что Мамонтов и правда много не пьёт, ограничившись рюмкой, остальное сливает в флягу, которую надёжно прячет во внутренний карман сюртука. Вижу мелькнувший на его руке перстень с ярко-синим камнем — значит, сыскарь у нас из водных. Интересное сочетание получается: я — маг земли, Мамонтов — водник, Елизавета Николаевна — воздушник. Для полноценной боевой четвёрки нам не хватает только огневика.

— Обычно я пью исключительно самогон. Есть тут дядька, чудесный мужик, всё делает на дубовой коре. Ядрёная — аж жуть. Мне одного глотка надолго хватает, да с этим делом нет времени мне запасы пополнить, — поясняет Мамонтов, видя мой заинтересованный взгляд, но неправильно его понимая.

Отдав должное местной кухне, мы вновь вернулись на вокзал. Нервничая, я бесконечно кручу в руках брегет, не без основания полагая, что встреча с Елизаветой Николаевной будет малоприятной.

— У меня сложилось ощущение, что вы лично знакомы с э-э-э... Елизаветой Петровной? — наконец не выдерживает Мамонтов. Я видел и раньше, что его мучало любопытство, но сам шагов навстречу никаких не предпринимал. Зачем облегчать ему работу?

— Николаевной, — механически поправляю собеседника и отвечаю на его вопрос. — Я имел честь вместе учиться на Обязательных общемагических курсах в одном потоке с Елизаветой Николаевной.

— Дивное дело! — искренне удивляется Мамонтов и, наблюдая, как поезд из Петербурга подъезжает к станции, спрашивает: — И чего же нам ждать от Елизаветы Николаевны?

— Я не видел её больше десяти лет, потому не могу сказать точно. Одно могу сказать с уверенностью: к своим обязанностям она относится весьма ответственно. Сыск будет идти крайне активно.

Про себя же сомневаюсь: переживём ли мы сами эту активность? В памяти всплывает письмо сослуживца, где он намеренно рассказывал, как Елизавета Николаевна ворвалась на бал к Императрице, чтобы задержать английского шпиона.

«А не могло ли её назначение сюда стать тоже своеобразной опалой?» — мелькает в моей голове мысль, когда из синего вагона показывается изящная женская ножка в мужских сапогах и тёмно-синих брюках.